

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДАВЛЕНИЯ¹

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

(Тарту. Тартуский университет)

Утверждение, что язык может использоваться как репрессивное средство, звучит как оксюморон. Тем не менее, именно в этой роли русский язык выступал в Российской империи в эпоху Александра III и Николая II, когда процесс русификации национальных окраин пошел полным ходом. Дело шло в первую очередь о западных окраинах, т.е. о так называемых Остзейских губерниях (Эстляндии, Лифляндии, Курляндии), о Великом княжестве Финляндском, литовских землях и Царстве Польском, и главным объектом стала школа и система образования в целом. В каждом из этих регионов имела своя специфика. В Остзейских губерниях господствовали прибалтийские немцы-землевладельцы, и власти с помощью русификации рассчитывали ликвидировать особый остзейский порядок, который сами же утвердили. Однако получилось далеко не так, как задумывалось. Остзейские порядки не очень пострадали, а вот по коренному местному населению — эстонцам, латышам, которые только в середине XIX в. вышли на путь формирования своих литературных языков, печати, литературы и уже достигли немалых успехов в формировании национальной интеллигенции, эта политика ударила больно. Первое

¹ Статья написана в рамках проекта IUT34-30 „Ideology of Translation and Translation of Ideology: Mechanisms of Cultural Dynamics under the Russian Empire and Soviet Power in Estonia in the 19th — 20th Centuries“.

поколение национальных лидеров искало защиты и поддержки против немцев у русского царя и его правительства. Политика давления со стороны имперского центра заставила пережить разочарование, крушение надежд и новое национальное унижение, что не могло не вызвать противодействия и стремления освободиться от этого двойного гнета.

Ученые неоднократно отмечали, что последствия русификации оказались роковыми для самой империи. Власти плохо себе представляли, что собственно должно произойти в результате перевода всего процесса обучения, включая начальную школу, на русский язык. Им виделась туманная цель интеграции нерусских народностей в единое государственное тело, поэтому с семи лет детей «обучали» на языке, которого они не только не знали, но и не понимали, причем обучали учителя, часто сами с трудом по-русски изъяснявшиеся. В стенах школы учащимся запрещали говорить на родном языке, и за нарушения запрета ретивые педагоги сурово детей наказывали. Государственный язык стал для многих настоящим мучением, препятствием на пути к знаниям, и далеко не все ученики, стремившиеся к образованию, смогли преодолеть эти совершенно ненужные трудности. Конечно, тем эстонцам и латышам, поступавших в школу с начала 1890-х гг., которые ценой огромного труда и усилий воли смогли овладеть государственным языком, его знание открыло путь в гимназии и университеты и далее — к карьере на государственной службе, в свободных профессиях. Однако цена, заплаченная за эти достижения, оказалась слишком высокой. Не приходится удивляться тому, что в сознании многих русский язык так и остался связанным с царской политикой подавления родного языка и культуры, что не прибавляло любви к России и русской культуре.

В настоящей заметке на одном небольшом примере нам хотелось бы рассмотреть, как в условиях русифицированной школы происходило взаимодействие эстонских учеников, уже проникшихся чувством собственного национального достоинства, с рус-

ским языком и русской культурой. Нашим примером будет литературный вечер, устроенный на эстонском языке тартускими (тогда они назывались юрьевскими) школьниками в помещении эстонского культурного общества «Ванемуйне» 17 января 1903 г., и реакцию на эту акцию чиновников от просвещения, увидевших в этом ужасный криминал и пытавшихся путем доносов и репрессий продвинуться по службе.

Вечер был посвящен памяти рано умершего эстонского поэта и ученого Михкеля Веске и приурочен к шестидесятилетней годовщине со дня его рождения. Каким образом можно было расценить эту акцию чуть ли не как государственное преступление, подрыв «основ», если речь шла о деятеле того поколения борцов за эстонское национальное пробуждение, которое, как говорилось выше, было убеждено в том, что эстонцам в их борьбе за освобождение от немецкого гнета и за развитие своей культуры может помочь опора на царя, на русское правительство и общественное мнение? На вечере исполнялось в высшей степени лояльное стихотворение Веске «Слова отца» („Isa sõnad“), прославлявшее отмену крепостного права — вольность, дарованную эстонским крестьянам императором Александром I. Между тем, разбирательство, связанное с этим вечером, тянулось несколько месяцев, вызвало интенсивную переписку между Тарту и Ригой, недовольство Лифляндского губернатора М. А. Пашкова и составило целое делопроизводство, лишь часть из которого хранится в Эстонском историческом архиве в Тарту, а другая — в Риге (вторая часть осталась мне недоступной). Последовали также и репрессии.

Об этом выразительном и очень важном эпизоде в истории эстонской и русской культур, в истории города Тарту начала XX в. мы узнаем из воспоминаний классика эстонской литературы Фридеберта Тугласа «В тартуском городском училище»

[Tuglas 1940]², повторно опубликованных в отдельном издании его «Юношеских воспоминаний» [Tuglas 1940a]³. С опорой на Тугласа [Tuglas 1935]⁴ этот сюжет был кратко пересказан в книге М. Кампмаа по истории эстонской литературы [Kampmaa 1936]. Наиболее подробно, по документам из школьного архива и по личным воспоминаниям, история изложена участником событий учителем М. Окасом [Okas 1925]. Его газетная публикация была практически повторена в юбилейном издании, посвященном обществу «Ванеймуйне» [Sööt 1925], которым Туглас активно пользовался. Удивительным образом последующие исследователи обращали на этот эпизод мало внимания. Мы рискуем вновь о нем напомнить, добавив некоторые архивные материалы, содержащие ряд любопытных штрихов.

Описывая период русификации, современники-эстонцы часто подходили к нему с виктимизационной позиции, подчеркивая несправедные действия властей и связанные с ними репрессии. Именно так написаны упомянутые статьи М. Окаса и К. Е. Сёэта. Иначе — аналитически и концептуально — пишет Ф. Туглас, поэтому имеет смысл исходить из его текста.

Воспоминания Тугласа, как и всякие хорошие мемуары, написаны из двух перспектив: с позиции взрослого автора, который знает будущее, но пытается восстановить точку зрения подростка

² Заметим, что при составлении своего текста Туглас явно использовал работы по истории училища: [Kõks 1937; Празднование 1902]. Он сам был участником празднования 25-летия училища в 1902 г., последняя брошюра могла у него сохраниться с ученических времен. Но особенно богатый документальный материал он почерпнул из юбилейного сборника общества «Ванемуйне» (см. ниже).

³ Затем они перепечатывались в собраниях сочинений Ф. Тугласа. К сожалению, на русский язык они не переведены, хотя могли бы стать важным подспорьем исследователям, изучающим вопрос русификации и историю школьного образования в Российской империи.

⁴ Это вариант ранее опубликованной статьи [Tuglas 1933]. О тайных кружках тартуских школьников [Tuglas 1933: 1023].

и юноши на окружавший его тогда мир. Туглас пишет о Тарту начала 1900-х гг., о заречном районе, где находили себе приют небогатые, а то и попросту бедные эстонцы, и поэтому именно здесь располагались тогдашние центры эстонской культуры — общества «Ванемуйне», «Таара», «Друг трезвости», «Эстонское вспомогательное ремесленное общество» (так было переведено эстонское название „Käsitöölise Selts“), хотя редакция газеты «Постимеэс» находилась тогда в самом центре города (в богатом немецком районе) и даже в здании ратуши. Туглас подробно и точно анализирует те тенденции, которые характеризовали эстонское национальное движение тех лет. Он справедливо считает эти годы предвестием нового этапа национального пробуждения, который был связан с общим подъемом жизненного уровня, что помогло эстонцам «поднять голову», преодолеть ощущения бесперспективности сопротивления как немецкому господству, так и русификации, а также невозможности сплотиться ради общего дела. Этот новый этап дал о себе знать мощным взрывом социально-политического и национального движения в период революции 1905 года. Воспоминания Тугласа особенно важны тем, что повествуют о деятельности нового поколения, совсем юного тогда, но очень скоро составившего цвет эстонской интеллигенции и потом сделавшегося строителями независимой Эстонской Республики.

Для исследователей русской культуры и эстонско-русского культурного пространства эти воспоминания в целом и рассматриваемый нами эпизод, в частности, интересны с точки зрения того, как воспринималась в условиях русификации учащимися-эстонцами русская школа (и значит — русский язык), каким путем происходило преодоление того бюрократического давления, которое ставило под угрозу будущее эстонского языка и культуры. Взгляд Тугласа знаменателен тем, что он пытается отделить русскую литературу и даже русское образование, ставшее для школьников окном в большой мир, от политического заказа и его

исполнителей — чиновников от образования, школьных инспекторов и некоторых учителей (среди его педагогов далеко не все были усердными русификаторами!).

Туглас, тогда Фридеберт Михкельсон, поступил в тартуское городское четырехклассное училище в январе 1901 г., в середине учебного года, и был принят сразу во второе отделение второго класса. Следует иметь в виду, что система образования в Российской империи была тогда дробной и путаной, названия учебных заведений не всегда отвечали сущности: так, в четырехклассном училище, где учились, в подавляющем большинстве, выходцы из бедных эстонских семей (недаром его называли «крестьянским университетом»), обучение длилось шесть лет. Существовал еще дополнительный педагогический класс, готовивший народных учителей; курс в целом равнялся учительской семинарии⁵.

Знаменательно то, как происходило поступление Тугласа в училище. Он описывает его не без легкой иронии и, вместе с тем, с удовлетворением. Экзамена по всей форме для него не устраивали, но несколько учителей задавали вопросы из разных частей курса, и более всего интересовала их степень владения русским языком [Tuglas 1940: 229]. Решающим стало чтение наизусть стихотворений Пушкина: «Хотя я и был деревенским мальчишкой и находился в чужом окружении, но, декламируя Пушкина, не чувствовал ни малейшей робости» [Там же]. И далее признается, что в области русской литературы его знания превосходили уровень знаний его одноклассников⁶.

Не будем вдаваться в подробности школьной жизни, которые столь выразительно описывает Туглас. Отметим только, что, не-

⁵ Однако поступить в учительскую семинарию можно было только имея за плечами аттестат правительственного начального училища, а Туглас закончил приходскую школу.

⁶ Полагаем, что этим он был обязан не столько начальной школе в Прангли, сколько уже тогда пробудившемуся собственному интересу к литературе вообще и к русской, в частности.

смотря на критику школьных порядков, он с симпатией и благодарностью описывает многих своих учителей⁷, особенно выделяя Александра Михайловича Шушерина⁸, подчеркнув, что русские учителя, в отличие от латышей, зорко следивших за тем, чтобы ученики не разговаривали друг с другом по-эстонски, — что было в стенах школы запрещено! — смотрели на использование родного языка сквозь пальцы [Tuglas 1940: 232]⁹. С удовольствием,

⁷ Среди учителей, удостоившихся особой благодарности Тутласа, назовем уже знакомого нам преподавателя истории Мартина Окаса (о нем еще будет речь ниже), по прозвищу «вот что!» (его любое присловье) и учителя закона Божия А. Классепа.

⁸ Шушерин приглашал ученика к себе домой, снабжал его русскими «толстыми» журналами из своей домашней библиотеки — «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир Божий», спорил с ним о литературе, поощрял литературные занятия. Тутлас сохранил с учителем контакт и после окончания школы. Сведений о Шушерине сохранилось немного, Тутлас со временем потерял его из вида, однако из его послужного списка [Послужные списки 1901–1909: Л. 47–53] становится известно, что Шушерин родился в 1874 г., происходил из мещан Новгородской губернии, окончил Санкт-Петербургский учительский институт в 1899 г., был назначен учителем в Торопецкое городское училище Псковской губ., в 1900 г. перемещен в Вейзенштейнское трехклассное городское училище, с 1901 г. стал сверхштатным, затем штатным учителем Юрьевского городского училища. Судя по всему, по крайней мере до 1911 г. оставался в Эстонии, в 1904 г. женился на лютеранке Ольге Дицман и имел с ней нескольких детей.

⁹ Видимо, и главный русификатор инспектор Антон Иванович Никонович не был чисто русским, судя по фамилии и по тому, что окончил Виленский учительский институт (большинство педагогов городского училища получили образование в Санкт-Петербургском учительском институте). Это довольно характерное явление, когда самыми усердными проводниками в жизнь русификаторской политики правительства становятся лица, не принадлежащие к титульной нации. Последнее обстоятельство, видимо, заставляло их чувствовать себя неуверенно и поэтому с особым усердием исполнять повеления начальства. К ним при-

хотя и с юмором вспоминает Туглас школьные спектакли, главным вдохновителем которых был учитель Павел Андреевич Сироткин (1866-1938). В «Женитьбе» Гоголя Тугласу пришлось играть роль Агафьи Тихоновны [Там же: 240], а на юбилейном вечере 1902 г. — роль Настасьи Панкратьевны в пьесе А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» [Там же: 241].

Однако обратимся к главному интересующему нас эпизоду — вечеру памяти М. Веске. У этого патриотического начинания были предшественники — вечера памяти Л. Койдула, прошедшие 11 декабря 1902 г. в Тарту в обществе «Друг трезвости» и в обществе «Таара». Хотя официальными организаторами (как явствует из архивного дела) числились солидные взрослые люди¹⁰, реальными инициаторами и организаторами являлись школьники — гимназисты и учащиеся реального училища, члены тайного общества «Эстонский сеятель» под руководством гимназиста Густава Суйтса [Tuglas 1940: 242; Камрмаа: 20]. Акции всколыхнули тартускую эстонскую общину и дали толчок к устройству следующего вечера, который организовали ученики городского училища. Главный инициатор Ф. Туглас признается, что школьники довольно мало знали о Михкеле Веске, им нужен был повод для выражения национальных чувств, они хотели охватить этим мероприятием всю школу и городскую общественность, и с удивлением констатирует, что это удалось [Tuglas 1940: 243].

Последний класс училища, в котором учился сам Туглас, участвовал в вечере почти в полном составе. Через одного из одноклассников удалось заручиться выступлением Яана Тыниссона,

надлежал, как мы увидим ниже, и инспектор Рижского учебного округа поляк Чеслав Зайончковский.

¹⁰ Согласно документам, «организаторами вечера в обществе «Тара» были учитель Кима, Иоган Леппа, Павел Курвиц и Фридрих Карлсон», а «в обществе «Друг Трезвости» жена цензора Йегевера, жена секретаря Съезда Казе и жена д-ра Шульценберга» [Дело об обществах 1903–1904: Л. 143–144].

который говорил о Веске как исследователе языка, этнограф и историк Александр Пырк — о древних народных верованиях¹¹, Карл Аугуст Херманн — о Веске как своем предшественнике на посту лектора эстонского языка в университете, учитель Мартин Окас анализировал стихотворение Веске «Слова отца», но его речь прочитал помощник председателя общества «Ванемуйне» и известный педагог Март Рейник. Туглас исполнил свою «оду» в честь Веске, была представлена и небольшая пьеса, а завершился вечер танцами под аккомпанемент ученического оркестра под руководством учителя музыки Д. Альба.

Туглас совершенно прав, когда пишет, что в программе вечера не было ничего, что можно было бы считать антиправительственным [Tuglas 1940: 244]. И все же в способе его организации таилась определенная хитрость: вечер проводился под видом семейного праздника, на организацию которого не требовалось испрашивать специального разрешения, и программу не нужно было представлять в полицию; поэтому ни до, ни после праздника в газетах о нем не было даже упомянуто. Однако хитрость не удалась, и последствия не заставили себя долго ждать. От бдительного ока тех, кто стремился выслужиться перед начальством, не укрылся внутренний импульс, который руководил действиями учеников. Туглас сформулировал его следующим образом: «Почему мы должны были вспоминать только великих русских деятелей и устраивать праздники только на государственном языке? Мы тоже существовали!» [Tuglas 1940: 243] — добавим: в том городе, который автор охарактеризовал следующим образом: «Немецкий город под русской смазкой на эстонской земле!» [Там же: 235], где эстонцы ненавидели немцев и где русификация вызывала неприязнь [Там же: 226]). Другими словами, школьники организовали национально-патриотическое мероприятие, расхвалившееся с идеей русификации.

¹¹ Его темой был жертвенник в честь Тынна/ Антония — *Tõnni vakk*.

Через месяц после события в городском училище начало ощущаться напряжение. М. Окас подробно восстановил ход событий. Инициатором расследования дела стал инспектор А. И. Никонович, который проявил редкое рвение в сборе информации, лично отправился с донесением в Ригу, к руководству учебного округа [Окас 1925; Sööt 1925]. Приехала высокая комиссия для расследования обстоятельств, в нее вошли инспектор округа Ч. Зайончковский, директор народных училищ Лифляндии А. Вильев, инспектор народных училищ Юрьевского района Н. А. Бельдюгин и, конечно же, инспектор городского училища А. И. Никонович. Участников вечера памяти М. Веске оказалось слишком много — 76 учеников (т. е. более четверти от общего числа, из них 27 — из выпускного класса) и четверо педагогов¹². Понятно, что строго наказать всех было невозможно: нескольким ученикам снизили оценки за поведение, а Туглас опередил события и уволился из училища по состоянию здоровья. Более всех пострадали учителя: М. Лукин был уволен, М. Окас¹³ переведен из Тарту в Курляндскую губернию, П. Сироткину был объявлен выговор. Д. Альба наказания избежал, хотя вынужден был давать объяснения (риснем предположить, что Никонович не хотел лишиться ученического оркестра, которым гордился). Однако расследование вывело на поверхность и устроителей вечера па-

¹² Любимый учитель Тугласа Шушерин не принимал участия в вечере, т. к., в отличие от Сироткина, происходил не из Эстонии и эстонского языка не знал.

¹³ Мартин Иванович Окас (как он именуется в послужном списке: [Послужные списки 1901–1909: Л. 8–10]) родился в 1864 г., в 1892 окончил Санкт-Петербургский учительский институт, учительствовал в Выру и Пярну, в 1898 г. поступил на службу в Юрьевское городское училище. 29 июля 1903 г. распоряжением управляющего Рижским учебным округом № 6242 был перемещен на должность Таньсинского городского училища. Впоследствии смог вернуться в Эстонию, в 1919–1933 гг. был директором той самой школы, откуда когда-то был уволен. Его портрет мы находим в [Algkool 1937: 3].

мяти Л. Койдула. Г. Суйтс был временно исключен из гимназии, что, впрочем, не помешало ему блестяще ее окончить в 1904 г. и получить золотую медаль. Приходится констатировать, что даже в мрачные годы русификации царское правительство не было слишком кровожадным: Туглас в том же 1903 г. окончил городское училище экстерном, а Сироткин занял после смерти Никоновича в 1907 г. его пост учителя-инспектора.

Тем не менее не будем приуменьшать отрицательных последствий. Полиция стала придираться к обществу «Ванемуйне» и чинить ему препятствия в организации мероприятий, руководители общества и причастные к нему лица подвергались унижительным визитам околоточного надзирателя и были вынуждены давать объяснения, писать разного рода записки. Например, 4 марта 1903 г. общество подало ходатайство об устройстве 17 августа 1903 г. в саду на ул. Яама народного гуляния с развлекательной программой: театральное представление, музыка, пение, пантомима, живые картины, иллюминация, фейерверк, танцы, гимнастика. Сначала 5 марта 1903 была наложена положительная резолюция: «На устройство гуляния препятствий вообще не имеется. Что касается речи, то текст речи должен быть разрешен по установленному порядку, а что касается театральных представлений, то должны быть представлены пьесы за подписью цензора драматического искусства». Но затем эта резолюция зачеркнута и поставлена другая (явно после сигнала о начавшемся расследовании дела о вечерах: «Так как уставом общества не предусмотрено устройства народных гуляний, то с ходатайством этим общество должно обратиться к Губернатору» [Дело об обществах 1903–1904: Л. 38–38 об.]¹⁴). Губернатор стал испытывать недоверие к эстонскому обществу «Ванемуйне», допустившему «прокол» с вечером памяти Веске, и в ходатайстве

¹⁴ Далее листы в деле, как это часто бывает, были перепутаны при подшивке, поэтому не следует удивляться тому, что иногда более ранние документы следуют после поздних.

отказал [Там же: Л. 42], причем с некоторым раздражением отклонил и повторное ходатайство: «Предлагаю Вашему Высокоблагородию, — пишет он Юрьевскому полицмейстеру 23 мая 1903 г., — объявить Совету Старейшин общества «Ванемуйне» на поданное мне прошение, что, не соглашаясь с представленными обществом соображениями, я не могу изменить своего распоряжения, сообщенного Вам в предложении от 29 марта с. г. за № 2894» [Там же: Л. 40]. За каждым таким распоряжением в деле следует длинная вереница расписок, которые давали подписавшие ходатайство лица в том, что они читали или были ознакомлены с распоряжением [Там же: Л. 40 и далее].

И все же тартуская полиция и губернская власть были явно не заинтересованы в том, чтобы злополучная история с литературными вечерами имела слишком далеко идущие последствия для местных культурных обществ. Действия полиции оказались явно более разумными, чем действия педагогов-бюрократов. Это признал даже М. Окас, склонным стучать краски. В результате губернатор генерал-лейтенант Михаил Алексеевич Пашков написал Юрьевскому полицмейстеру Никандру Михайловичу Забелину (1858-1909) 21 апреля 1903 г. за № 523:

Вследствие рапорта Вашего от 18 минувшего марта за № 92, предлагаю Вашему Высокоблагородию объявить устроителям литературных вечеров, происходивших 11 декабря минувшего года в помещениях обществ «Друг трезвости» и «Тара», что я лишь на этот раз, за давностью происшедшего, оставляю несоблюдение устроителями сих вечеров законных формальностей без последствий, но что в случае повторения подобных отступлений от действующих узаконений и Правительственных на сей предмет распоряжений, виновные будут подвергаемы, в качестве нарушителей обязательных моих касательно сборищ постановлений, взысканиям в административном порядке [Там же: Л. 54].

В тот же день письмом губернатора за № 533 и дело о вечере Веске было «оставлено без последствий» [Там же: Л. 56], хотя Паш-

ков и показал в этом письме, что ему очевидна несостоятельность оправданий:

К сему считаю нужным присовокупить, что, хотя в объяснении Правления общества «Ванемуйне» и говорится, будто участие учеников средних и низших учебных заведений на вечере 17 января было лишь случайное, заявление это, однако, вполне опровергается имеющимся в деле пригласительным билетом от имени организаторов вечера, воспитанников городского училища [Дело об обществах 1903–1904: Л. 56–56 об.].

Разумеется, последовало и напоминание «впредь не допускать участия в устраиваемых им вечерах учащихся средних и низших учебных заведений без предварительного испрошения ими на то разрешения Начальства подлежащих учебных заведений» [Там же: Л. 56 об.].

Так что губернатор, прежде не очень осведомленный об обществе «Ванемуйне» (о чем свидетельствуют требования в первом документе по делу доложить ему «о составе сего общества (число членов, фамилии старшин) и о его деятельности (какие учреждения чем содержатся?)» [Там же: Л. 54], всполошившийся было в результате доноса Никоновича и потребовавший 8 марта 1903 г. срочных объяснений («...немедленно потребовать от совета старшин обществ Ванемуйне для представления мне, ближайшие объяснения, на каком основании им был устроен 17 января с. г. литературный вечер без надлежащего на то разрешения» [Там же]), в конце концов решил не прибегать к репрессиям. Скорее всего, подобный подход высшей губернской власти несколько охладил и пыл усердных русификаторов.

Самое замечательное, что и злополучный августовский праздник в конце концов состоялся 24.08.1903 г., и разрешение на его проведение было получено из Петербурга, из министерства внутренних дел [Sööt: 48]. Сказались как обычная российская несогласованность действий и соперничество за сферы влияния разных властных структур, так и квалификация местных юристов,

которые сумели написать правильное ходатайство и найти верные, с точки зрения властей, аргументы.

Итак, противостояние таргуских школьников имперской политике русификации, выразившееся в организации «незаконных» эстонских литературных вечеров памяти деятелей своей национальной культуры, закончилось относительно мирно. Юные борцы смогли благополучно окончить школу. Как свидетельствует дальнейшая жизнь и деятельность Г. Суйтса и Ф. Тугласа, они сумели разделить в своем сознании имперскую политику и русский язык, использовавшийся в качестве инструмента подавления национального самосознания меньшинств. Национального сознания она, в конечном итоге, не подавила, скорее наоборот — способствовала стремлению освободиться от подобного гнета. Прав был И. А. Бодуэн де Куртене, предрекавший в 1913 г. гибель Российской империи, вставшей на путь русификации [Бодуэн 1913].

Литература

Бодуэн 1913 — *Бодуэн де Куртене И. А.* Национальный и территориальный признак в автономии. СПб., 1913.

Дело об обществах 1903–1904 — Дело об обществах (Переписка о деятельности разных обществ). 24 января 1903 – 29 января 1904 // ЭИА. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 490.

Послужные списки 1901–1909 — Послужные списки учителей Юрьевского училища за 1901–1909 гг. // ЭИА. Ф. 3847. Оп. 1. Ед. хр. 2.

Празднование 1902 — Празднование двадцатипятилетнего юбилея Юрьевского четырехклассного городского училища: 1877–1902. Юрьев, 1902.

Algkool 1937 — Tartu Linna XV Algkool: 1837–1937. Tartu, 1937.

Kampmaa 1936 — *Kampmaa, M.* Eesti kirjandusloo peajoone. Neljas jagu. Eesti Kirjanduseseltsi Kirjastus. Tartus, 1936.

Kõks 1937 — *Kõks, J.* Pilk Tartu Linna XV Algkooli minevikku // Tartu Linna XV Algkool: 1837–1937. Tartu, 1937.

Okas 1925 — *Okas M.* Dr. M. Weske sünnipäewapeo tagajärjed 1903. aastal // Postimees. 1925. 11 mai. Nr 126.; 12.mai. Nr. 127.

Sööt 1925 — *Sööt K.E.* „Vanemuise“ Seltsi majandusline <sic!> olukord ja Seltsi juhatuse korraldatav tegevus // Vanemuine: 1865-1925. „Vanemuise“ kirjastus Tartus, 1925.

Tuglas 1933 — *Tuglas, F.* Noor-Eesti algajult. Gustav Suitsu 50-nenda sünnipäeva puhul. Aga nagu siis... // Looming. 1933. Nr 9.

Tuglas 1935 — *Tuglas, F.* Gustav Suits Noor-Eesti algajul. Kriitika 11, Tartu 1935.

Tuglas 1940 — *Tuglas, F.* Tartu linnakoolis: Memuaare // Looming. 1940. Nr 3. Lk 226–247.

Tuglas 1940a — *Tuglas, F.* Noorusmälestused. Tartu, 1940.